

18+

Олег

Ока

Подчинение

и

покорность

триллер

Олег Ока

Подчинение и покорность

«Издательские решения»

Ока О.

Подчинение и покорность / О. Ока — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981751-8

Из человека делают серийного убийцу, причём он об этом не подозревает. Можно ли его считать человеком? В жизни это обычный молодой человек, который не знает о том, что творит по ночам.

ISBN 978-5-44-981751-8

© Ока О.

© Издательские решения

Содержание

Олег Ока	6
Подчинение и покорность	6
глава ПЕРВАЯ	6
1	6
2	7
3	9
4	11
5	13
6	16
7	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Подчинение и покорность

Олег Ока

© Олег Ока, 2020

ISBN 978-5-4498-1751-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Олег Ока

Подчинение и покорность

триллер

глава ПЕРВАЯ

1

Они встретились в Эрмитаже, у импрессионистов, и это была случайная встреча. Евгений стоял перед «Горой Святой Виктории» и не обращал внимания на то, что творилось вокруг. На Викторию он тоже не посмотрел, он вообще не видел, что она стоит тут-же. Скоро она отошла к Моне, перешла к Боннару, но весна её не вдохновила. Улыбнувшись маленьким фавнам, она уже хотела уходить, но её взгляд задержался на его фигуре, не двинувшейся с места. Похоже, Сезанн что-то говорил ему, и он внимал, забыв, где находится. Вика подошла, в который раз взглядом пробежала по полотну, ничего не услышала:

– Похоже, он спит.

– Кто? – Евгений повернул голову, оглядел с ног до головы её худощавую фигуру в длинной накидке, задержался на тяжёлых рыжих ботинках, оценил сочетание с также рыжей сумочкой-клатчером.

– Человек на фоне. Вот здесь, справа, лицо с закрытыми глазами, это будто улыбающийся во сне рот. Жёлто-зелёное взбитое ложе.

– Но эти дома...

– Это кисть руки. И головой на руке спит то-ли животное, то-ли игрушка.

– Интересно. Евгений, – представился он. – Просто Женя.

– Просто Вика. Я здесь третий, нет, четвёртый раз, приезжаю в Петербург по делам, и обязательно захожу сюда, здесь хорошие коллекции, любопытные выставки.

– Мне ближе Ван Гог, я от него в экстазе, может быть потому, что я его не понимаю. Не понимаю, как человек способен увидеть эти сумасшедшие цвета и донести их до зрителя.

– Но ведь он в самом деле лечился, острая депрессия.

– Да, прогулка заключённых к оптимизму не располагает.

– "Оливковые деревья", "Едоки картофеля"...

Осень была аномальная, сухая и солнечная, но гнала порывистый ветер, несущий по бульварам сорванные листья, ещё не успевшие пожелтеть. Они прогуливались по Адмиралтейскому, Евгений провожал Вику до метро, сам он жил в другой стороне, на Петроградке и собирался окончить день прогулкой через Стрелку и Петропавловку. Он был в отпуске и никуда не спешил. Вика в сущности его не заинтересовала, но почему отказывать в беседе приятному человеку? О перспективах он не думал и был удивлён, когда у ступенек метро она протянула ему визитку:

– Телефон... на всякий случай. Я буду в городе ещё две недели, у нас конференция в Выставочном, на Пулковом.

Вежливость обязывала, он достал телефон, набрал её номер и сделал вызов:

– Кредиток не ношу, но теперь у тебя тоже есть мой номер.

– Скажи, Евгений, если я перехожу границы, можешь проигнорировать вопрос. Ты интересуешься живописью, а, судя по речи, и литературой тоже. Твоя профессия не секрет? – когда они перешли на "ты"?

– Ну, это тебе вряд-ли интересно. Я работаю в порту, судовые механизмы, ремонт, обслуживание, наладка. Автоматика в самом общем смысле. Я сейчас в отпуске, дышу осенью, дома делать нечего. Книги я люблю, хотя некоторые страшно читать. Страшно, но интересно. Эти книги лучше читать солнечным днём, на пляже. Я непонятно говорю?

– Понятно. Я тоже предпочитаю бывать на свежем воздухе, иногда и работаю там-же, беру с собой планшет, устраиваюсь где-нибудь в парке, на травке, очень полезно.

– Что-то творческое?

– Я программист. Не в общем смысле, у меня узкая специализация, контроль энергетических сетей, скукота. На заказ работать интереснее, но это не всегда бывает.

Он чувствовал, что между ними что-то призошло, но не мог определить характер взаимодействия. Близость интересов? Кажется, нет, кроме музея их ничто не связывало, да и это был самый общий, любительский разговор, в сетях у него было много знакомых, тоже интересующихся живописью, и даже несколько профессиональных художников, там разговоры были интереснее.

Он провожал её взглядом, пока она не скрылась за стеклом дверей, потом закурил сигарету и пошёл обратно на бульвар.

Странное знакомство. Ей что-то от него нужно? Он не мог предположить, что это может быть, в знакомствах с женским полом он предпочитал полагаться на физический контакт, прикосновение к руке помогало понять отношение женщины. Ничего не значащий разговор ничего не давал. Но... телефонный номер уже предполагал какие-то обязательства.

Скорее всего, ему просто надо забыть об этом пустом знакомстве, списать на причуды городской жизни.

2

Он чистил зубы, когда услышал тяжёлые шаги и звук шипения газа на кухне. Сполоснул лицо, вышел из ванной:

– Доброе утро, дядя Миша, как дела?

– И тебе всего хорошего, Женя, садись чай пить.

– Вы-же знаете, я чай редко употребляю, обычно кофе.

Дядя Миша, сосед по коммуналке, большой рыхлый вдовец, давно на пенсии, с Евгением поддерживал добрые отношения, но к себе не приглашал, и днём его редко можно было увидеть, за завтраком или во время готовки.

– Ну, и присаживайся. Где вчера был?

– В Эрмитаж заглянул, душой отдохнул.

– Да, молодёжь сейчас редко о душе, больше о теле...

– Вас ночью ничего не беспокоило?

– А что, должно? Соседи у нас, слава Богу, люди спокойные, солидные.

– Какой-то звук не давал спать. Что-то тихое, монотонное, но отвлекало. Похоже на журчание воды, или морской прибой...

– Я на такие вещи внимания не обращаю, но сантехника у нас в порядке, без протечек, и с потолков не капает. Может быть, обычная коммунальная проверка перед отопительным сезоном, это каждый год устраивают, трубы по разному реагируют, бывает и громко.

– Всё может быть, – усомнился Евгений, – у нас всё может...

Но вопрос с ночными звуками ещё не давал покоя некоторое время, потом он стал думать о новом знакомстве, представлял фигуру Виктории, её странное, угловатое лицо с почти круг-

лыми глазами, густые брови, маленький рот с большими пухлыми губами. Она совсем не была похожа на уроженку Черного моря, в ней больше чувствовалось скандинавское начало. И было в ней ещё нечто странное, что поразило его, но впечатление сразу стёрлось, ушло, осталось только ощущение, будто что-то промелькнуло у границы поля зрения. Да! Он вспомнил неожиданно, они вышли из сени каштана, с её лица сбежала маска тени, скрывающая эмоции, она прищурилась, потом улыбнулась, и ему показалось, что её глаза разного цвета. В этом нет странного, мы часто видим это явление в потоках разноцветного искусственного городского освещения, но Виктория отвернула голову от слепящего солнца, он увидел внимательный взгляд глаз, один искрился серым, другой кошачий, розовый... Потом она надела противосолнечные зеркальные очки, он зажмурился, что-то сказал, об аномалиях в климате, она заговорила об эффектах мазков краски на полотнах импрессионистов, и впечатление ушло, забылось. Оно вдруг вспомнилось только сейчас, когда он включил телевизор и увидел солнечный блик в глазах ведущей очередного ток-шоу, снятого где-то на берегах лазурных тропических морей. Телевидение, как и у любого нормального человека, вызывало у него отвращение. Бессмысленность, безумность и продажность, каждодневные вчерашние истины, сегодня отрицаемые в угоду рекламодателю, что обуславливалось законами прибыли. Короче говоря, муть тоскливая. Он выключил клоунов, подумал о планах, но их не было, полное отсутствие желаний и помыслов. Накинув куртку, Евгений вышел на променады. Уже идя по продуваемому со стороны залива, залитому солнцем проспекту, он решил зайти на Сытный рынок, присмотреть что-нибудь к ужину. Просто от нечего делать.

Началом всего были ДУХ (греч. Аэр, воздух мрачный и подобный северному ветру, или даже само дуновение мрачного воздуха; егип. Амон) и мутная мрачная БЕСКОНЕЧНОСТЬ (греч. Хаос или Апейрон, беспредельное пространство; егип. Ха-ух/Хух). Они были безграничны и в продолжение многих веков не имели конца.

Дух не знал своего создания. Когда Дух полюбил свои собственные начала и произошло смешение, это соединение получило название Желания (греч. Потос).

Таково начало устройства всего сущего.

Перед рынком он зашёл в пивной бар "Пушкар", рабочий день начался уже давно, знакомых не было видно, вообще народу было немного, и это его обрадовало, не хотелось завязывать пустой, никчёмный разговор. Он пил густое, свежее пиво, иногда разгрызал варёную креветку, мысли текли, не отвлекая, опять вспомнилось лицо девушки, воспоминание уже стало почти навязчивым, но думать было не о чем, и это стало раздражать, как обложка книги, лежащей на столике месяца, и всё недосуг её прочитать, а там может быть что-то важное, необходимое, без чего нельзя.

– Чертовщина какая, что случилось? Будто приворожила, но ничего не было, никаких знаков, намёков, даже интонаций. Ведь параноиком стать можно!

Он отодвинул пустую кружку, зашёл в туалет и отправился дальше. Он не обращал внимания на рыночную сутолоку, безразлично смотрел на витрины, прилавки, не видя товара, потом случайно остановился перед прилавком сувениров, тоже без желания купить что-то, просто внимание привлёк блеск и праздничное настроение безделушек. Там были коробочки, зажигалки, куклы и подсвечники, что обычно покупают в подарок другу, коллеге, но не домой не в подарок близкому человеку, бесполезные вещицы, валяющиеся на полках за стеклом. Он наклонился к выставленному товару, и намётанный взгляд продавца сразу отметил вещь, кото-

рую он рассматривал. Просто искривлённый кинжальчик, под пиратский нож, или турецкий ятаган, тоже штука нелепая бесполезная, но странно притягивающая взгляд, может быть, рукояткой из рога, может быть аккуратным лезвием, он не знал.

– Дорогой, возьми, всегда пригодится! В электричке, на природе, на пикнике, колбаску порезать, овощи, он в чехле, хорошая сталь, не ржавеет, сама затачивается! И совсем дёшево за такую вещь!

– Не ржавеет нержавейка, или титан, это металл мягкий, быстро тупится, – не думая, машинально ответил Евгений, нащупывая в кармане деньги.

– Правильно говоришь, сразу специалиста видно, соображаешь в оружии! Бери, не пожалеешь, посмотри, эксклюзивная вещь! А чехол, чистая кожа, ручная работа! Если в подарок, друг спасибо скажет!

– Сколько?

Он услышал цену и хотел отойти, потому что явно дорого, но деньги уже были вынуты, он махнул рукой:

– Ладно, давай, мироед! – подал купюру и настырно подождал сдачу, знаем мы этих торгашей!

Продавец, скрипя сердцем, протянул купюры и потерял интерес к клиенту.

– Осёл! – обругал себя Евгений и снова рассмотрел покупку. Будет теперь валяться в кухонном столе! Но всё-таки блеск лезвия успокаивал, игрушка радовала. Ладно, пусть будет. Он представил, как будет резать этим лезвием солёную селёдку, которую любил, и в самом деле решил купить и рыбы. А к ней и пива.

Потом он снова зашёл в туалет, выпитое пиво требовало. В тени навеса пустого ряда он остановился покурить, и вдруг небо потемнело, всё стало неопределённым и невидимым, это называют «в глазах потемнело», но ничего у него не темнело, просто свет исчез, он ещё пытался что-то разглядеть, куда-то шёл, ожидая нащупать стену, или прилавок. И снова стало светло, свет обжёг глаза, некоторое время текли слёзы, вызывая резь, он ухватился рукой за какой-то столб, стал дышать открытым ртом, постепенно приходя в себя.

– Пиво испорченное? Ничего не понимаю, не до такой-же степени!

Он всё-же зашёл в павильон, в рыбный отдел, выбрал пару жирных селёдок и отправился обратно. В бар заходить он уже не рискнул, купил в магазине рядом с парадной пару бутылок «Жигулёвского» и, совершенно разбитый, проник в комнату. Уселся в кресло, опустив голову, потом нерешительно закурил, хуже от этого не стало, и Евгений ободрился, видимо, отравления всё-же не было. Но купленная рыба требовала действий, потушив сигарету, он прошёл на кухню, достал пластмассовую доску для рыбы, выложил селёдку и решил опробовать нож. Вытерев руки, он вынул его из кармана куртки, и нехорошее предчувствие сжало сердце; что-то в ноже ему не понравилось.

Медленно вытащив лезвие из чехла, он положил нож на стол и с недоумением и непонятным страхом рассматривал мокрое, тёмно-красное, что покрывало металл. Больше всего это было похоже на размазанную кровь.

3

Завернув нож в кухонное полотенце, Евгений по чёрной лестнице спустился во двор, пересёк его, прошёл соседний двор, ещё один, огляделся, нет-ли зрителей, спрятавшись за куст, забросил нож подальше в мусорный контейнер и вернулся домой. Здесь он всё-таки дочистил селёдку, тщательно вымыл руки, и с пивом устроился в комнате. Только здесь он обратил внимание на то, что его руки мелко дрожат.

– Что это было? И было-ли вообще что-нибудь? Кровь на человеческую, похожа, но мало-ли на рынке крови? Наверное, мало. Там много мяса, но оно всё из холодильников. Да

и кто даст мне ковыряться ножиком в мясе? Я не понимаю! Что происходит? Какой-то джипперс-крипперс, Фреди Крюгер вместе с Джейсоном! Ладно, надо успокоиться, рассмотреть наихудший вариант. Что это может быть? Предположим, я потерял сознание, ведь свет гас, я на какое-то время отключился. Не думаю, что за те минуты я мог натворить нечто неприемлемое. Значит, меня подставили. Кто-то кого-то убил, на наших рынках это бывает. Может быть, даже моим смешным ножиком. Может быть, даже найдётся свидетель, видевший меня рядом с местом преступления. И скоро полиция обнаружит труп. Опросят всех возможных свидетелей, и всё, концерт окончен, Евгений Васильевич Быстров, 28-ми лет от роду, летит в камеру, потом в тюрьму на предельный срок. Возможный вариант? Да. Но окончательный? Если никто не видел самого убийства, значит, подозреваемых будет масса, столько, сколько народу было на рынке. Проверять будут всех, и первым делом проверяют мотивы и знакомства. Значит, я буду среди всех подозреваемых. И если нет стопроцентных улик, а их быть не может, я буду чист. Если на месте преступления нет... например, моих отпечатков. Это проблема. Опытный человек, решивший сделать из меня козла отпущения, позаботится обо всём. Вот тогда... Вот тогда! Чорт, надо ещё сходить в магазин. И если дойдёт до полиции, вести себя не размазнёй, держаться уверенно, даже нагло. Впрочем, судя по фильмам, все рецидивисты ведут себя так. Это их только разозлит...

Евгений опять ходил в магазин, но так ни до чего и не додумался. Да и не было у него причин, чтобы что-то заранее решать.

Во сне он видел кошмары. За ним по анфиладам Эрмитажа бегал грузин в кепке, величиной с парадный поднос, размахивал ятаганом и кричал;

– Твой друг будет доволен! Колбаски порежь, и не забудь овощей, и всё будет хорошо! Потом ему подмигивала Пьята, протягивала руку с распятием, улыбалась, и распятие превращалось в кривой острый кол. И опять ему приходилось убегать. Он бежал из «Пушкаря» с кружкой пива в руке, по брусчатке Большой Пушкарской до Зверинской, и дальше к стадиону, где его окружали участники велопробега, около него останавливался велосипед, на котором сидела Виктория в спортивной форме, в шлеме, похожем на греческий орех, и тоже держала в руке кружку пива.

– Ты выиграл марафон, Евгений, – говорила она, сверкая разноцветными глазами, из которых рассыпались искры, – ты достоин главного приза, но до этого ещё далеко, до конца дистанции целая вечность, длиной в жизнь и смерть. Я верю в тебя, Женя, позвони мне, когда пройдёшь половину пути, и всё будет хорошо!

Дальше следовали какие-то гаражи, мусорные ящики, из которых сочилась кровь, ночное озеро с хрустальной голубой водой, с ветвями прибрежных деревьев, свисающими до воды, и... Пробуждение было неестественным, липким от пота, с противным привкусом кислого пива, а в окно заглядывала малиновая луна. Она будто подмигивала кривым глазом из-за занавески, и Евгений долго смотрел на неё, ожидая, что она покажет ему длинный язык.

Что-то мешало ему чувствовать себя комфортно, и, оглядев себя, он простонал, на нём была чёрная футболка, спортивные штаны и кроссовки. Во всём этом он лежал прямо поверх одеяла, чего с ним не случилось почти никогда. Вскочив и чуть не упав при этом, он попытался разуться, шнурок затянулся в узел, и ему пришлось проскакать к двери, чтобы включить свет. Он присел, чтобы развязать шнурки, и снова чуть не упал; штаны были испачканы чёрным и липким, он потёр пятно пальцами, поднёс их к глазам. Это опять была кровь.

Утром в кабинете начальника следственного отдела Петроградского района сидели люди. Они переглядывались смущённо, а некоторые насмешливо, имея в виду, что начальник, видно, уже получил сверху строгое внушение, о чём говорила растерянность и срочность сбора коллектива.

– Все знают причину внеочередного совещания, – проговорил майор Асеев, перебирая бумаги на столе, чтобы скрыть растерянность от звонка, он подозревал, что паника наверху имеет политические причины, и был недалёк от истины.

– За прошедшие сутки мы имеем два ЧП, два убийства. Кто не в курсе, первое произошло на Сытном рынке, примерно от одиннадцати до тринадцати часов. Второе, если кто не знает, было совершено во дворе дома на углу Татарского и Мытнинского переулков, это рядом с Кронверкским, примерно в два часа ночи.

Кто-то из присутствующих удивлённо присвистнул в углу.

– По первому делу слушаем лейтенанта Клюева. Только самое существенное.

– Самое существенное по мероприятиям, это ноль. Глухо. Ничего.

– И перспектив не видно?

– В перспективе есть человек десять, имеющих возможности, проверяем пока связи и мотивы. Но, мне кажется, классический висяк.

– А экспертиза что скажет?

– Ничего. Орудие убийства, предположительно, нож типа кинжал, сантиметров пятнадцать. Это всё. Такое мог сотворить, кто угодно, – неохотно ответил эксперт Титов.

– То есть, тоже ничего. Полное оно. По второму случаю могу сообщить ещё меньше. Свидетелей нет. Следов нет, подозреваемых нет. Жительница дома что-то слышала, но даже время точно не знает. Орудие, тупой металлический предмет, какой-то штырь. Есть мнение, что это серийный убийца, но убитых связывает только возраст, около двадцати, парень и девушка, подробности выясняются. Пока это всё. Вводится чрезвычайное положение, круглосуточное патрулирование. Если подтвердится серийное, расследованием будет руководить Клюев, состав определите сами. И постоянные доклады. Только этого нам всем и не хватало! Клюев, задержись.

Лейтенант сел за стол, открыл рабочую папку, перебирал бумаги, протоколы проведённой работы, показания, справки.

– Николай Семёнович, я в ступоре. Конечно, работа ведётся, но пока нет никаких зацепок. Убитый, обычный парень, как сейчас называют, менеджер среднего звена, не судимый, из интеллигентной семьи. Друзья, девушка, даже две, политикой не интересовался, прорабатываются контакты в сетях, они все сейчас живут в сетях... Но... ничего.

– Сергей, ты всегда работал продуктивно, мне это нравится. Пойми и меня, мне не с чем идти наверх. Прошли сутки. Подбери команду и посади кого-то на бумаги, а кто-то на оперативную работу. Сам бери бумаги по ночному убийству и начинай. Проработай версию, не связаны-ли как-то места убийств, поговорите с работниками ночных магазинов, с работниками ночных машин, всё, что они видели на районе, особенно на маршруте вдоль Кронверкского проспекта, может быть, видели подозрительные фигуры, может быть, хоть что-то видели, и всё в разработку. Не мне тебя учить. Я тебя не гоню, но если не будет ничего, соединяющего дела в одно, сразу докладывай. Жду к вечеру. С соображениями. И пару версий, если будут.

4

Кровь, опять кровь. В затылке ломило, в висках пульсировало давление, мешая думать. Никаких следов, никаких необдуманных действий. Стирать одежду? Ерунда, от всего надо избавляться. Он ведёт себя, как истеричка, ведь пока всё выглядит непонятным недоразумением. Законопослушный обыватель, возможно побежал-бы в полицию, но что он там гово-

рил-бы? Что ничего не помнит, и просмотрите сводки происшествий, не было-ли ночью трупов? Это не дорога к психиатру? Или заставят написать признание, чтобы закрыть дело? Таких случаев в интернете полно. А с ним это уже второй случай, о котором он не может сказать ничего вразумительного. Может быть, у него это наследственное, в генах, и пробудилось только сейчас, лунатик со склонностью к убийствам. Смешно, но надо будет позвонить матери, только осторожно, придумать причину, скажем, грядущее повышение, и нужна расширенная анкета? Но такие скачки в психике должны иметь причину, это может быть какой-то стресс... Не было в его жизни никаких стрессов, кроме тех, что мы все имеем из новостей по ТВ. Что с ним вообще происходило в жизни важного? Ничего. Оказалось, что он довольно серый тип, далёкий от экстремала. Единственное, что он мог вспомнить, разрыв с Алиной, его девушкой из далёкого детства, с которой он встречался шесть лет подряд, а потом она уехала в другой город, перестала звонить, и всё ушло. И теперь знакомство с Викторией, но это просто ничего не значит, получасовой разговор без продолжения...

И тут раздался звонок по телефону, он вздрогнул, почувствовал, как на лбу выступил пот. Началось? Что может начаться? Это незнакомый номер, кто ему может звонить? Время... Семь утра, с ума сошли. Он сбросил звонок, сам не зная, зачем так поступил, тут-же пожалел, не с работы-ли звонили? но перезванивать не стал, рабочее время ещё не наступило, тем более, что все рабочие номера записаны в телефоне. Но через пятнадцать минут звонок раздался снова. Может быть, это полиция? Нет, не может, полиция не будет предупреждать подозреваемого, возможного убийцу...

– Слушаю.

– Ты ещё не проснулся? Извини, у тебя отпуск, и, конечно... Наверное, я мешаю тебе?

– Кто это?

– Жень, значит, ты не записал мой номер... Виктория, если не забыл обо мне. Скучно стало, а день сегодня свободный, вот и подумала, провести его с интересным человеком, не плохая идея? Конечно, если у тебя свои планы, ты можешь... отказаться от встречи.

Блин, она-же дала визитку, только куда он её дел? И что ей ответить? Какие у него планы? Не было у него привычки составлять планы на выходные, он привык подчиняться импульсам. Он снова представил её лицо, глаза... Почему он не может избавиться от этого? У него не было такого опыта, он никогда не думал об этом, даже когда остался один, всё было просто, она уехала, он остался, какие проблемы?

– Хорошо, можно провести время. Где встречаемся?

– Через... полтора часа, на Сенной? Не рано?

– Нормально, если что, погуляем по Садовой. Я буду.

Руки уже сами доставали из шкафа брюки. Какие? Она не сказала о своей программе, будем думать, что это не посещение клуба рокеров, хотя, что он знает о её пристрастиях?... Значит, просто приличный костюм на любые случаи жизни, светло-серые брюки, кремовая рубашка, молодёжный галстук, мокасины... Погода? Он глянул в окно, на узкую улицу, день обещал солнце, зонт можно не брать. Раздался звук, заставивший сосредоточиться, которого он подсознательно ждал, не признаваясь себе, звук полицейской сирены. Под окном пролетела спецмашина с работающей мигалкой, свернула на Большой, звук замер среди стен, Евгений всё стоял у окна, будто ждал продолжения, потом продолжил одевание. Быстро побрился электробритвой, бросил в сумку пластиковую бутылку воды, банку Пепси. Кажется, всё.

От испачканных кровью вещей он избавился по пути к Каменноостровскому, к станции метро.

5

Виктория ждала у мраморных ступенек метро, и Евгений не сразу узнал её, накидка сменилась длинным белым плащом, добавилась широкополая шляпа, только ботинки остались прежними.

– Раньше здесь был собор, – кивнул он за спину, на станцию метро. – Как настроение?

– Всё хорошо. Чем занимался?

– Убивал людей, – чуть не ляпнул он, сдержавшись только чудом. – Сидел дома, книжки, телевизор... Хотя, телевидение настолько деградировало, что признаваться в его просмотре уже считается за дурной тон, занятие для тинейджеров и домохозяек за 50, с тридцатилетним стажем.

– Согласна. Хозяин города покажет памятные места?

– Скажешь, хозяин! Я не из той социальной прослойки, простой пользователь и обыватель. Красивая площадь, её не удалось изгадить окончательно. Ещё недавно здесь всё пространство было закрыто ларьками и киосками частников, а там, за метро располагался блошинный рынок. В один прекрасный момент всё это расчистили, многое жалко. Вот там, напротив, видишь банк? Бывший пивбар «Старая застава», мы с верными друзьями по выходным в нём засиживались до закрытия. Однажды я там выпил за день больше десяти литров пива. Пойдём в сторону Невского? Кстати, ты уже позавтракала?

– Так, молоко, круассаны, но составлю тебе компанию, чашечка кофе не помешает.

– Они зашли в кафешку на углу Садовой и Гороховой, и Евгений всё пытался восстановить ощущения, связанные с первой встречей, но напрасно, в ней появилось что-то новое, будто она что-то решила важное, и теперь была готова это осуществить, и он с непонятным чувством ждал этого нового, он не сомневался, что это связано с ним, но не было никаких угрожающих сигналов, и постепенно он успокоился.

– Женя, – она оглядела помещение, отпила из чашечки, покачала головой, оценивая вкус кофе. – Мне кажется, тебя что-то сильно беспокоит, я могу задавать такие вопросы? Что-то случилось за эти два дня? Неприятности дома?

– Я живу один... в коммуналке, с таким забавным соседом... Что у меня может случиться?

– На работе?

– На работе у нас Антарктида, ледяные поля отношений, белое безмолвие.

– Я тебе не мешаю, я спрашиваю об этом, потому-что, может быть связано со мной?

– Ты хорошая девчонка, мне так кажется. Мы не настолько близко знакомы, но это чувствуется. И я... мне было-бы хуже одному...

Она всё пыталась заглянуть в его глаза, а он упрямо отводил взгляд, ему не хотелось снова увидеть эти разноцветные, загадочные глаза. Он понимал, что она всё-равно обратит на это внимание, и может принять за признак нечестности, желание что-то скрыть. Он быстро дожевывал плюшку, улыбнулся:

– Пойдём дальше?

– С удовольствием.

– Что-ж, налево пойдём, к Исаакию придём. Прямо пойдём, на Невский попадём. Что выберешь?

– На Невском я была много раз, но там постоянно что-то новое. Посмотрим?

– На пути Апраксин двор, потом Гостиный. Бывает интересно.

– Женя, мы могли-бы познакомиться поближе.

Он молчал, держа её за руку, косился на витрины, мимо которых они проходили, сторонился встречных прохожих.

- Ты слышал, что я сказала?
 - Тут не возразишь, слышал.
 - Может быть у тебя был неудачный опыт, и ты тормозишь?
 - И поэтому тоже. Мы не знаем друг друга.
 - Я не предлагаю тебе под венец, познакомиться поближе означает только то, что слышишь.
 - Мы, люди взрослые. Ты подразумеваешь секс?
 - Для начала.
 - Об этом и речь, это главное.
 - Для начального знакомства это не главное. Похоже, что я напрашиваюсь...
 - Это не так?
 - Нет. Ты мне интересен. Интересен во всём.
 - Что мне теперь делать?
 - Объясни?
 - Я растерян, ты выбила меня из привычного состояния. Я не умею быть интересным человеком.
 - Понимаю, наверное, я ускорила ход событий. Но тебе ведь не надо хотеть, не надо притворяться, будь собой.
 - Это самое страшное. Если-бы мы знали, что это такое, «быть собой». Кто вообще знает себя, а ведь сначала надо узнать себя, но человеку это не по силам, мы только маски.
 - Хорошо, надень маску гида и джентльмена, меня это вполне удовлетворит.
- Он почувствовал некоторое облегчение.

Они проходили по магазинам Апраксина двора, любовались арками галереи и лепниной потолков, Евгению было хорошо, забылся бред и нелепости двух прошедших дней, отчаяние и беспомощность, страшные ночи. В конце концов, ничего непоправимого не произошло, или оно не имело к нему отношения. Он о чём-то говорил, высказывал суждения и мнения, цитировал и выдавал экспромты, он видел улыбку и понимание Викторией, что может быть ближе и необходимее этого? Иногда он, когда она отводила взгляд на очередной барельеф, обнимал взглядом её фигурку, невольно воображение давало повод для желаний, и он отворачивался, чтобы не выдать себя. Перейдя Садовую, они вошли под высокие, как небо, потолки Гостиного двора, бродили по зеркальным лабиринтам, рассматривали бронзу и медь гигантских люстр и канделябров, вышли на Невский, но заходить в Пассаж Вика отказалась:

– Хватит уже на сегодня витрин и манекенов. Хочется неба над головой.

У Дома Книги, они отошли вправо, встали у парапета набережной канала Грибоедова, чтобы покурить.

- С тобой в самом деле ничего не произошло?
- Почему ты об этом спрашиваешь?
- Ты кажешься опустошёнными и усталым.
- Наверное, плохо спал, видел какие-то кошмары с улицы Вязов.
- Ты живёшь где-то недалеко? Когда, после Эрмитажа, ты проводил меня в метро, я видела, как ты пошёл обратно, в сторону Дворцовой.
- Я живу на Петроградской стороне. Могу пригласить на обед, если ты не против китайской кухни. Можно заказать пиццу.
- Что-ж, я уже устала, время подходит для обеда, если недалеко, можно пройтись пешком, всегда рада увидеть город с новой стороны.

– Хорошо, пройдем Каменноостровским мостом через Марсово поле, зайдём на Сытный рынок, купим чего-нибудь. Ты не была на Сытном?

– Я там была. Двое суток назад, – и он снова увидел в разноцветных глазах блик солнца на воде канала.

– Ты была на рынке, – тупо переспросил Евгений. – Что ты там делала?

– Странно, что обычно делают на рынках? Прицениваются к товару и делают выбор. Товар должен соответствовать назначению, цене и просто нравиться, это ты и сам знаешь.

– Это всё, – понял Евгений, ощущая пустоту внутри. – Приехали.

Но вместе с тем он почувствовал глупое облегчение, ведь сейчас все ребусы получают ответ, но вместе с тем перед ним встала новая, может быть, главная загадка – кто она такая, Виктория. Они познакомились до начала всех остальных ребусов, значит, её действия не связаны с ними. И ей что-то нужно было от него.

– Кто ты? – почти шёпотом спросил он. – Из полиции?

– Ты думаешь, что полиция может предвидеть? Конечно, они учитывают данные статистики, но это просто цифры. Мне это не нужно, я сама статистика, но вместе с тем, меня интересуют люди, их потенциалы и индивидуальности. Это уже жизнь.

– Тогда я не понимаю. Что тебе от меня нужно?

– Будь проще. Я уже говорила, что ты мне интересен.

– Для статистики?

– Для обещанного обеда, ты обещал, помнишь? Я в самом деле приезжая, и живу в гостинице, это так неудобно и... грязно, несмотря на скрипящие от «Ваниша» полотенца и постельное бельё. Кажется, что от чужого пота они царапаются. Так куда мы идём?

– По каналу, до Марсова поля. – он не смотрел в её сторону, он не мог, ему казалось, что её взгляд полон иронии и скептицизма. Он не мог видеть её разноцветные глаза. И он по-прежнему не получил ни одного ответа. То, что она ему сказала, ничего не объясняло, только оставляло свободу для новых предположений.

На рынке Виктория купила овощей, фруктов, горячий, пахучий лаваш, травы для салата, полуфабрикаты самсы. Евгений следовал за ней, как марионетка, в полной прострации, и только на выходе с рынка обернулся и посмотрел на место, где очнулся позавчера с окровавленным ножом в кармане. В магазине они купили бутылку янтарного вина и коробку шоколада. Его комнату Вика оглядела с искренним интересом, особенно её внимание привлекли книжные полки.

– Молодец, – одобрительно заметила она. – Книги подобраны по тематике, со знанием дела.

На кухне она также освоилась быстро, руководствуясь опытом человека, часто ездящего в командировки. Евгений ознакомил её со своей территорией и отпросился в ванную. Он слышал сквозь шум воды, как она там гремит принадлежностями, потом на кухню вышел дядя Миша, они неразборчиво разговаривали, и тон их голосов был вполне благожелательным. Когда забывший о всех страхах и вопросах, освежённый и перерождённый Евгений вышел из ванной, он не без удивления увидел на столе открытую бутылку коньяка и три рюмки:

– Сосед! Присоединяйся к нашему дастархану, примем по рюмке напитка, отметим знаменательное событие, впервые за много лет нашу кухню своим присутствием облагородила женщина!

Они выпили, закусили салатом, приготовленным Викторией, потом ещё выпили и покурили, после чего довольный дядя Миша удалился, пожелав им удачи во всех их делах.

После полуночи Евгений проснулся от тревожного чувства неосуществлённого дела, увидел рядом с собой обнажённую Виктория, которая мирно и крепко спала, получившая уже, видимо, хорошую долю информации об интересном парне Евгении Быстрове, которая её вполне удовлетворила. Стояла ночная городская тишина с ровным гулом на фоне, но вблизи не тревожимая звуками. Полежал, прислушиваясь к ровному дыханию женщины, осторожно опустил ноги на пол, прошёл в прихожую, где открыл одежный шкаф, и быстро оделся. С антресоли он вынул толстую капроновую верёвку, положил её в сумку и на кухне из стола достал большой разделочный нож.

6

Под утро, уже около пяти, в квартире лейтенанта Ключева зазвонил телефон.

– Да, да, говорю-же, майору уже сообщили, он подъедет прямо туда, чуть позже, а пока вызываю лейтенанта Ключева, это его дело... Вызываю уже, – он слушал эту белиберду, переминаясь замёрзшими ногами на холодном полу, наконец его терпение кончилось, и он заорал:

– Кто там болтает, какой идиот, долго я буду держать чортову трубку, скоро к уху при-мёрзнет! Дежурный!

– Слушаю, лейтенант! Прошу прощения, тут опергруппа никак не соберётся.

– Вы у них за инструктора? В чём там дело?

– Двойное убийство, улица Чапаева, дом семь, квартира сорок три, въезд в арку, во дворе будут люди.

– Хорошо, сейчас выхожу, присылайте машину.

На улице было холодно, темно, безлюдно. Ключев втянул ноги в струю тепла из обогревателя, закурил, спросил водителя отрывисто, злым от неспросыпа голосом:

– Не слышал, что там?

– Двое, как-будто молодожёны, богатые, на свадьбу квартиру от родителей получили. Больше ничего не слышал.

Проехали мимо не освещённого ещё «Ленфильма», свернули налево, несколько домов и под арку. Во дворе стояли их две машины, курили водители.

– Сюда, лейтенант, третий этаж, влево.

Ухоженный дом, отопление уже подключено, на подоконника лестничной клетки цветы в горшках, стены чистые. Дверь в квартиру была раскрыта, к лейтенанту сразу подошли двое, он их знал, эксперт Нагишин и опер Долгий.

– Что известно?

– Хозяева Крамер Сергей и Елена, 25 и 23 года, недавно только поженились. Он повешен, у неё перерезано горло. Верёвка принесена преступником, нож пока не обнаружен. Отпечатки ищем, но пока... Возможно, он работал в перчатках.

– Соседи, свидетели?

– Время преступления, примерно, от двенадцати до трёх. Звонил мужской голос с уличного автомата, от «Ленфильма». В квартирах на площадке пять человек, но никто ничего не слышал. Их опрашивают, но номер, кажется, дохлый.

– Посмотрим. Значит, осмотр продолжается...

– Труп сняли, хозяйка пока на месте. Смотреть будете?

– Если эксперты всё сделали, увозите. Я пройду по квартире. Родственникам сообщили?

– Они живут в пригороде, старые люди, попозже позвоним. Или сами?

– Мебель не взломана? Следы обыска?

– Ничего. На первый взгляд, преступника имущество не интересовало, ящик с докумен-тами в порядке, бумаги аккуратно сложены, есть даже немного денег, двадцать три тысячи, в

сумках и карманах ещё примерно столько-же. Есть кое-какие драгоценности, ничего особого. Ему не это нужно было.

– Хорошо, спасибо. Я пройдусь.

В коридоре он увидел на стенах несколько картин в позолоченных рамах, подозвал эксперта, показал пальцем:

– Нагишин, что скажешь?

– Халтура, на Невском таких залежи. Только рамы красивые. А картина получается такая. Хозяйка вышла, открыла дверь и сразу получила удар ножом в шею. Смертельный. За ней следом вышел хозяин и был задушен, потом внесён в комнату и подвешен.

– Что значит "подвешен"?

– Не повешен, он был уже мёртв, его просто подвесили за шею, зачем, не знаю. Хозяйку тоже притащили в комнату, бросили у ног мужа... вдовца... чорт! как их... В общем, дело непонятное.

– А мне непонятно, почему она открыла преступнику дверь, дверь добротная, такую открывают человеку знакомому.

– Или убедительному. Но и это глупо.

– Следов борьбы нет, всё-таки его удушили?

– Следов нет. Да и хозяин... далеко не спортсмен.

– Как его повесили? Один может справиться?

– Если молодой, почему нет? Верёвку перекинули через шторный кронштейн, привязали за шею, приподняли тело и натянутую верёвку обмотали о батарею отопления, ничего сложного.

Подошёл один из оперов:

– Опрос соседей окончен, ничего интересного. И насчёт убитых, и про ночь. Все спали, никто ничего не слышал.

– Спасибо. Конечно, с ними надо будет ещё поработать, но не сейчас. Опять у нас, похоже, дерьмо, майор будет счастлив. Кстати, он не звонил?

– Звонил, – отозвался Долгий. – Он в самом деле счастлив, ждёт тебя в своём кабинете. Я тебе не завидую, Витя.

– Не я-же их убил, – пробормотал лейтенант, спускаясь по лестнице.

7

Утром Вика проснулась первой, долго смотрела на совершенно голое тело Евгения, сначала с недоумением, потом с одобрением, поднялась, пошла в туалет, сообразила, где находится, подобрала с кресла рубашку хозяина, накинула, снова пошла. Вернувшись, осмотрела журнальный столик, на котором давеча пировали, оглядела остатки на тарелках, налила в бокал немного вина, в холодильнике обнаружила коробку с апельсиновым соком, выпила вино и долго с наслаждением пила ледяной сок.

– Классические признаки похмелья – услышала сонный голос с кровати. – И моя рубашка тебе не идёт. Тебе, и любой женщине, идёт вообще без ничего.

– Зато она включает твоё воображение. Без ничего тоже хорошо, но не в обществе.

– Мы не в обществе.

– Хватит болтать глупости. Ты проводишь меня?

– Уже уходишь? Ты не говорила об этом вчера.

– Да, ты не чувствовал-бы себя раскованным.

– Мне хорошо. У тебя дела?

– У меня самолёт.

Он сел, соображая:

- Ты уезжаешь?
- Командировка кончилась, надо обрабатывать результаты работы. Тебе не снились кошмары?
- Мне не снился твой отъезд.
- Будут ещё командировки, отпуска, будет много чего ещё.
- Это неожиданно. Я ожидал чего-то более продолжительного.
- Мужской эгоцентризм.
- Я в порядке. И начинаю привыкать. Опыт накапливается, и он говорит, что всё временно, они всегда уезжают.
- Для трагедии нет причины. Выпьешь вина?
- У нас есть время? Воспользуемся?
- С удовольствием.
- Что-ж, подчиняюсь желанию женщины, и это подчинение мне нравится.
- Мужчина!

Майор Асеев представлял собой типичного служаку, не без чувства юмора и фантазии, но и то и другое отдавало казармами. Главным для него была работа, то есть отчётность и показатели, которые не терпели прорех. Это грозило и заставляло задуматься. Сейчас он был в гневе и растерянности, последние события уже выходили за рамки обыденной работы и в перспективе могли перерасти в нечто неуправляемое и дестабилизирующее. Он собрал у себя в кабинете группу Клюева и начал говорить, но его слова больше походили на крик, хотя он и умел держать себя в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.